

ДВА ДНЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

(Изъ дневника студента) ¹⁾.

IX.

Въ настоящее время много говорятъ и пишутъ о тактѣ. Нѣтъ, кажется, лучшей похвалы человѣку, какъ названіе его человѣкомъ такта, тактичнымъ. Въ тактѣ обыкновенно полагаютъ сущность житейской, практической мудрости. Молодымъ дѣятелямъ всего болѣе внушаютъ узнать и изучить настроеніе общества, среды, въ которой имъ придется вращаться и дѣйствовать. Говорятъ, нужно прежде всего узнать почву, а потомъ и сажать на ней извѣстныя растенія. Дѣятельность наша должна представлять собою всегда только равнодѣйствующую среды и личныхъ нашихъ стремленій и идеаловъ. Въ этомъ заключается, по мнѣнію многихъ, самое простое объясненіе причинъ успѣха людей, прославившихся на томъ или другомъ поприщѣ служенія въ извѣстное время. Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ, наприм., успѣхъ того или другого писателя? Говоря просто, ничего не означаетъ иного—кромѣ того, что такой писатель узналъ настроеніе общества, угадалъ его духъ, стремленія, попалъ въ тонъ. Самый талантливый писатель-материалистъ останется почти незамѣченнымъ въ вѣкъ господства идеализма. И наоборотъ, самый гениальный писатель-идеалистъ останется мало понятнымъ въ вѣкъ матеріализма. И писатель романтикъ останется одинокимъ въ годы господства реализма. Ренанъ, надѣлавшій столько шума своими произведеніями,

¹⁾ Продолж. См. м. Апрель стр. 698—730.

говорять, обязаѣ своей славой во Франціи почти единственно тому, что онъ вѣрно понялъ ея историческій моментъ, въ который онъ жилъ, попалъ въ тонъ, въ самую живую струю духовной жизни этого народа въ разсматриваемые годы. Выступи съ тѣми же своими произведеніями раньше или позднеѣ, и онъ остался бы совершенно въ тѣни. Его сочиненія скромно ютились бы на книжныхъ полкахъ книготорговцевъ на ряду съ произведеніями самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ писателей. На пониманіи духа времени, среды, условій жизни, говорятъ, зиждется и блестящая дѣятельность всѣхъ вообще выдающихся людей,—героевъ, полководцевъ, художниковъ и т. д.

Многіе нынѣ раздѣляютъ этотъ взглядъ. Придерживаясь такой теоріи такта, священникъ на приходѣ старается прежде всего со всѣми „поладить“, педагогъ—снискать вниманіе у сослуживцевъ и питомцевъ, чиновникъ—у сильныхъ міра сего. Не долгомъ, не правдой они хотятъ привлечь къ себѣ сердца людей, а своею личностью. Благодаря этому при постоянныхъ разговорахъ о дружбѣ и единеніи, въ государственной и церковной администраціи и въ жизни прихода водворяется ненависть между служащими въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ. Не только маленькіе люди часто такъ поступаютъ, но и большіе нерѣдко поступаютъ не иначе. Папа, по требованію обстоятельствъ, склоняется то на ту, то на другую политическую сторону. Если сильна монархія, онъ говоритъ, что самодержавіе отъ Бога. Если верхъ беретъ республика, хвалитъ республиканское правленіе. Онъ посылаетъ на Востокъ энциклики, въ которыхъ говоритъ о преступности латинизировать уніатское богослуженіе, а въ Галиціи усленно его латинизируетъ. Подобные люди не хотятъ знать того, что такое представленіе о равнодѣйствующей заставляетъ весьма часто человѣка отказаться совершенно отъ всѣхъ своихъ благихъ начинаній и порывовъ, построить свою жизнь на началахъ общества, стать невольникомъ, рабомъ общества. Случается съ человѣкомъ въ этомъ случаѣ нѣчто весьма странное и неожиданное. Онъ берется искусно балансировать между различными общественными теченіями, чтобы проводить въ жизнь общества свои начала, и вдругъ, самъ попадаетъ въ ловушку. Общественнымъ мнѣніемъ онъ придавливается какъ бы какою громад-

ною тяжестью, не будучи въ состояніи изъ-подъ нея даже только шевельнуться.

Если въ такомъ смыслѣ понимать тактъ, то не подлежитъ никакому сомнію, что о. Іоаннъ далеко человѣкъ не такта. Мало этого, онъ страшный противникъ его въ тѣхъ грубыхъ и несправедливыхъ чертахъ, въ какихъ онъ обыкновенно представляется. Человѣкоугодность никогда не можетъ быть дѣйствительнымъ, основнымъ началомъ въ жизни христіанина. Это—начало не созидающее, а разрушающее. Не вляться всякимъ вѣтромъ ученія нужно, не быть рабомъ всѣхъ прихотливыхъ и часто неразумныхъ вельній общества, а идти во имя Христа и созидать жизнь на христіанскихъ началахъ. Въ отвѣтъ на всѣ подобныя ученія о тактѣ надо открыто и смѣло заявлять вмѣстѣ съ Ап. Павломъ: „аще человѣкомъ угождалъ быхъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“. Такъ учить поступать и слово Божіе, и исторія. Въ Библейской исторіи мы постоянно встрѣчаемъ противопоставленіе лести и человѣкоугодности владельцевъ земныхъ неустрашимой правдѣ служителей Божіихъ и народа Божія. Навуходносоръ, Артаксерксъ, Олофернъ, Филопаторъ, Феликсъ и Фестъ, лживый пророкъ Седекія, священникъ Пасхоръ проходятъ предъ нами съ одной стороны. А съ другой, встаютъ какъ живые предъ нами: Даніилъ, Мардохей, Іеремія, Амосъ, Іудифъ, весь народъ Еврейскій, Апостолы и Самъ Спаситель, сказавшій: „какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу, а славы, которая отъ единого Бога, не ищите“. Вотъ—достойные обличители людей, желающихъ созидать дѣло служенія на человѣкоугодн. Св. Григорій въ прощальной рѣчи своей къ паствѣ проситъ прощенія у пасомыхъ въ томъ, что онъ не величался предъ ними, не старался соревновать съ вельможами въ роскоши, не высился на колесницахъ, заставляя разбѣгаться народъ, какъ предъ страшнымъ звѣремъ. Поэтому паства осталась къ нему холодна, предпочитая ему людей эффекта. „Они ищутъ не іереевъ, но риторовъ, не строителейъ душъ, но хранителейъ имуществъ“. Но жизнь и слава человѣкоугодниковъ и потворщиковъ не долговѣчна. Эта истина особенно хорошо раскрывается въ книгѣ Судей, въ исторіи Авимелеха, подговорившаго жителей Сихема помочь ему убить 70 братьевъ и воцариться надъ городами Іудей.

Три года благополучно было его царствованіе. Но затѣмъ, согласно предсказанію Іоама, злой духъ ненависти поселился между нимъ и жителями. Они возстали на него и Авимелехъ былъ позорно убитъ. Поэтому въ Писаніи мы читаемъ “сборище нечестивыхъ, какъ скопленіе пакли, а конецъ ихъ пламень огненный“. Власть и вліяніе, основанныя не на началахъ правды и любви, а на обманѣ возбуждаютъ въ современныхъ людяхъ вмѣсто довѣрія одну ненависть и презрѣніе.

Положа руку на сердце, мы можемъ сказать, что о. Іоаннъ нисколько не льстилъ никогда современному обществу. Замѣчая тѣ или другія добродѣтели въ людяхъ, онъ не только не преувеличиваетъ ихъ, но и не дѣлаетъ, повидимому, даже должной оцѣнки ихъ. Онъ склоненъ, кажется, скорѣе умалять эти свѣтлыя явленія, встрѣчающіяся въ нашей общественной и частной жизни, чѣмъ увеличивать ихъ, или хотя бы только много говорить о нихъ. Наши нравственные успѣхи меркнутъ предъ тѣмъ нравственнымъ великимъ идеаломъ, какой предносится постоянно ему и какой онъ предъявляетъ постоянно всѣмъ. Вотъ что онъ пишетъ о современныхъ христіанахъ въ своемъ „Дневникѣ“. „Гдѣ я найду истиннаго христіанина, который бы самыми дѣлами своими училъ презирать плоть, какъ скоропреходящую, прилежать о безсмертной душѣ? Гдѣ я найду такого возвышеннаго въ духъ мужа? На землѣ, между живыми, трудно найти, хотя и есть конечно такіе мужи, но въ церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, въ небесной церкви,—многое множество такихъ людей, какъ звѣздъ на небѣ... Гдѣ я найду истинныхъ христіанъ, которые бы презирали все земное, какъ преходящее, и прилежали всѣми силами о угожденіи Богу, своему безсмертному Царю, о спасеніи душъ своихъ! Гдѣ я найду такого возвышеннаго мужа, который бы, какъ царь, или какъ иѣкій Богъ, презиралъ землю и все земное ради Бога (а не изъ презорства) и мужественно покорялъ своему уму или закону Божію всѣ страсти и пристрастія житейскія, который бы ревновалъ ревностью Божіею о спасеніи душъ братій своихъ, сочеловѣковъ, и заботился о ихъ просвѣщеніи, очищеніи, укрѣпленіи въ вѣрѣ и добродѣтели? Господи! воздвигни Ты такихъ свѣтильниковъ на свѣщницѣ міра сего, на свѣщницѣ церкви Твоей

да проповѣдуютъ они славу Твою, да ревнуютъ они о славѣ Твоей и о спасеніи людей Твоихъ. Господи! вся возможна тебѣ. Доколѣ, Господи, суета міра сего будетъ кружить насъ? Доколѣ будемъ отвращаться Тебя, Содѣтеля и Спасителя нашего? Якоже хочещи, Господи, устрои о насъ вещь?“

И не разъ о. Іоаннъ возвращается къ этой мысли. „Такъ-ли живеть святое и избранное стадо, т. е. христіане православныя?—говорить онъ. Вѣрю ли ходимъ, свято ли, воздержно ли живемъ, въ чаяніи ли второго пришествія Христова и страшнаго суда? Трепещемъ ли вѣчныхъ мукъ? Жаждемъ ли вѣчнаго блаженства? Не къ временной ли жизни прилѣпились? Люди обновленія! внемлите себѣ съ избыткомъ. Съ васъ очень много взыщется. Такъ ли живутъ имѣющіе надежду на воскресеніе и на жизнь будущаго вѣка? Такъ ли живутъ получившіе извѣщеніе и твердое удостовѣреніе отъ Начальника своей вѣры неложнаго, истиннаго въ истинѣ, и несомнѣнности будущихъ мукъ. вѣчныхъ мукъ? Какъ ничтожна земля и земная жизнь въ сравненіи съ небомъ, съ вѣчнымъ царствомъ Христовымъ. И мы такъ прилѣпляемся къ землѣ и такъ не радимъ о спасеніи души, о вѣчной жизни“. „Братія мои! не всѣ ли мы скоро исчезнемъ съ лица земли и будемъ, какъ бы небывшіе? Гдѣ же дѣла любви? Гдѣ исполненіе заповѣдей творческихъ? Гдѣ духъ Христовъ въ насъ? Гдѣ незлобіе, гдѣ смиреніе, гдѣ любовь къ душамъ, гдѣ безпристрастіе къ временному? Гдѣ ревнованіе о духовныхъ благахъ? Суетныя, глупѣйшія мы люди! Исаказили мы образъ душъ нашихъ, исаказили жизнь свою, превратили, вверхъ дномъ поставили ее. вмѣсто Христа діаволу угождаемъ“. „Всѣ любимъ жизнь, хлопочемъ о счастливой жизни, а у самихъ жизнь тлѣетъ въ страстяхъ. Отчего? Оттого, что не тамъ, гдѣ нужно, ищемъ жизнь“.

Каждый изъ насъ большею частію занятъ съ утра до вечера. Многіе не имѣютъ свободной минуты. Даже ночь, когда все покоится и спитъ, часто не даетъ такимъ людямъ покоя. Но что въ существѣ своемъ представляетъ собою наша жизнь? Что она такое, если ее разсматривать въ отвлеченіи отъ извѣстной среды, времени, вкусовъ и многихъ другихъ условныхъ соображеній? Что она такое сама въ себѣ?

Весьма часто нельзя назвать дѣйствительною жизнію то,

что мы такъ называемъ сейчасъ. Часто „жизнь наша—дѣтская, неизвинительная игра: мы забавляемся пищей и питіемъ, лакомясь—вмѣсто того, чтобы употреблять ее только вмѣсто необходимаго питанія тѣла и поддержанія тѣлесной жизни; мы забавляемся одеждами—вмѣсто того, чтобы прилично ими прикрывать свое тѣло для предохраненія его отъ вреднаго дѣйствія стихій; мы забавляемся серебромъ и золотомъ, любуясь ими въ сокровищницахъ или употребляя его на предметы роскоши и удовольствій вмѣсто того, чтобы употреблять его на нужды, а избытки раздѣлять нуждающимся; мы забавляемся своими жилищами и многообразною въ нихъ утварью, богато и изысканно украшая ихъ,—вмѣсто того, чтобы имѣть только прочный и приличный кровъ, защищающій насъ отъ вреднаго дѣйствія стихій, и необходимыя и приличныя для домашняго употребленія вещи; мы забавляемся своими душевными дарованіями, умомъ, воображеніемъ, словомъ—употребляя ихъ только на служеніе грѣху и суетѣ міра сего, только на служеніе, земному и тлѣнному, вмѣсто того, чтобы прежде и болѣе всего употреблять ихъ на служеніе Богу, на познаніе Его, Премудраго Творца всякой твари, на молитву, моленія, прошенія, благодареніе, славословіе и на оказаніе взаимной любви и почтенія и только отчасти на служеніе міру сему, имѣющему нѣкогда совершенно преѣйти; мы забавляемся своими познаніями о мірской суетѣ и губимъ на пріобрѣтеніе ихъ драгоцѣннѣйшее время, данное для приготовленія къ вѣчности; мы нерѣдко забавляемся своею должностію, своими обязанностями, легкомысленно, нерадиво, неправедно, исполняя ихъ и употребляя ихъ для своихъ земныхъ корыстныхъ видовъ; мы забавляемся хорошими лицами человѣческими или прекраснымъ и слабымъ поломъ и употребляемъ ихъ часто для игры страстей своихъ; мы забавляемся временемъ, которымъ надо пользоваться для искупленія имъ вѣчности, а не употребляя его на игры и разныя удовольствія; мы забавляемся, наконецъ, сами собой, дѣлая изъ себя какіе то кумиры, предъ которыми сами преклоняемся и для которыхъ ищемъ поклоненія другихъ. Кто достаточно опишетъ и оплатитъ наше окаянство, нашу великую, громадную суету, наше великое бѣдствіе, въ которое мы сами себя добровольно ввергаемъ? Какой отвѣтъ мы дадимъ безсмертному Царю—Хри-

сту Богу нашему, грядущему во славу Отца Своего судить живымъ и мертвымъ, объявить совѣты сердечные и принять отвѣтъ отъ насъ о всякомъ словѣ и дѣлѣ! О Горе! горе намъ, носящимъ на себѣ имя Христово, не имѣющимъ въ себѣ нимало духа Христова! носящимъ на себѣ имя Христово, а не слѣдующимъ ученію Евангелія! Горе намъ, нерадящимъ о толицѣмъ спасеніи! Горе намъ, не имѣющимъ христіанской вѣры, упованія и любви христіанской! Горе намъ, возлюбившимъ настоящій вѣкъ притворный, привременный, и нерадящимъ объ улученіи того вѣка, который слѣдуетъ за смертію тлѣннаго тѣла нашего, за этою плотскою завѣсой“.

Каждому христіанину постоянно нужно помнить, какъ превратенъ этотъ свѣтъ, которымъ онъ увлекается и утѣхамъ котораго онъ не видитъ конца.

Въ этомъ мірѣ все течетъ, все мѣняется. Настоящій міръ, какъ бы какой громадный калейдоскопъ, вращающійся съ поразительной быстротой. Человѣку здѣсь не на чемъ сосредоточить свое вниманіе навсегда. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на Божій міръ. „Тутъ веселіе, музыка,—здѣсь заупокойныя молитвы, пѣніе, плачь о умершемъ; здѣсь богатство, роскошь, великолѣпіе,—тутъ голая бѣдность, недостатокъ во всемъ, въ приличной и достаточно согрѣвающей одеждѣ, тѣснота, отвратительная грязь, сырость. Здѣсь цвѣтущее здоровье, избытокъ силъ,—тутъ болѣзни, дряхлость, изнеможеніе; здѣсь просвѣщеніе, многознаніе,—тутъ не вѣжество, мракъ; или: здѣсь съ свѣтскою образованностью высокое духовное просвѣщеніе и благочестіе, и въ этомъ соединеніи прекрасная и пріятная гармонія, красота духовная; здѣсь же свѣтское просвѣщеніе и при немъ безвѣріе, безнравственность — это духовное безобразіе, дисгармонія, диссонансъ, раздрающій душу; здѣсь успѣхъ во всѣхъ предпріятіяхъ, — тутъ безуспѣшность; здѣсь все легко достается: и деньги, и вѣсь въ обществѣ, почести, отличія,—тутъ изо всѣхъ силъ бейся и ничего не достигнешь или только при огромныхъ усиліяхъ достигнешь немногаго. Кто разрѣшитъ это видимое противорѣчіе? Одинъ Богъ. Мы можемъ только гадать“.

Въ мірѣ одно неизмѣнно, постоянно—это вѣчная, святая, небесная истина. Поэтому всѣ жизненные пути каждого че-

ловѣка должны сосредоточиваться не на землѣ, а на небѣ. Пусть не увлекается человѣкъ богатствами, которыя многихъ влекутъ къ себѣ съ такою неудержимой силой. „Жадный, алчный скупецъ! Деньги ли, хлѣбъ ли тебѣ дали жизнь? Не Богъ ли? Не Слово ли Его дало бытіе и жизнь тебѣ и всѣмъ прочимъ тварямъ? Не Сынъ ли Божій носитъ всяческая глаголомъ силы Своя? Одними ли деньгами, хлѣбомъ, водою и виномъ поддерживается жизнь твоя? Не о всякомъ ли глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ, живъ бываетъ человѣкъ? Не прахъ ли деньги и хлѣбъ? Не всего ли меньше намъ нужно хлѣба для поддержанія жизни своей? Все Словомъ сотворено и Имъ держится. Слово—источникъ жизни и храненіе ея“. „Сребролюбецъ! къ чему приложишь ты любовь сердца своего, когда со смертію обладаніе и услажденіе деньгами твоими и разными сокровищами прекратится? Душѣ, существу духовному, тогда эти сокровища будутъ не нужны, они будутъ ей противны, какъ ядъ, ржа и тля, гнившія ее при жизни и удалившія ее отъ Бога, лишившія ее нетлѣннаго сокровища Бога“. „Для чего мнѣ имѣніе? Для того, чтобы имъ существовать мнѣ и моему семейству и моимъ сродникамъ, чтобы подавать бѣднымъ; а не для того, чтобы его скоплять. Мѣрь щедро, чтобы щедро отмѣриль тебѣ Богъ по даянію твоему. Притомъ имѣніе или средства къ жизни—Божіи, а не наши, а Богъ Начальникъ живота: Онъ и заботится о поддержаніи нашей жизни чрезъ насъ самихъ и черезъ другихъ, или непосредственно. Самъ себе и другъ друга и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ. Мы говоримъ: намъ нужно жить, а животъ нашъ—Богъ; значить и всѣ средства къ жизни Богъ подаютъ и подастъ“.

О. Іоаннъ не только не льститъ чувству современныхъ христіанъ, не только не одобряетъ ихъ жизненнаго устроенія и непониманія, но и почти совершенно отрицаетъ его. Его проповѣдь нельзя назвать проповѣдью, пріятно ласкающею слухъ современниковъ. Она бичуетъ недостатки христіанъ иногда со строгостью, близкою къ строгости пророческой грозной, обличительной рѣчи. „Все дѣлай напротивъ того, что врагъ внушаетъ, говоритъ о. Іоаннъ. Онъ внушаетъ ненавидѣть обидящихъ насъ,—ты люби ихъ; ругающихъ благословляй, и взимающихъ твое не истязуй и

съ охотой самъ отдавай; когда хочешь смѣяться — плачь; когда находить уныніе — старайся развеселиться; когда зависть—радуйся чужому благополучію; когда бореться противорѣчіе, непокорность—немедленно покорись, согласиись; когда блудные помыслы—поревнуй о чистотѣ сердца, представь высокое достоинство христіанина, обоженнаго во Христѣ Иисусѣ, что члены наши—члены Христовы; когда гордость—смирись; когда злоба—будь особенно добръ; когда раздражительность — сохрани спокойствіе; когда скупость — будь щедръ; когда разсѣянность—немедленно запрети чувства отъ всего вѣшняго и размышляй о единомъ на потребу; когда сомнѣніе, маловѣріе, невѣріе—призови на помощь особенно сильную вѣру, припомни примѣры вѣры, или вѣрующихъ Ветхаго и Новаго Завѣта и чудеса, совершенныя вѣроу. Дѣлай такъ и не поддавайся врагу, мечтателю: ибо всѣ страсти, пристрастія, прихоти—его мечта“.

Въ наше время люди весьма чуждаются жизни внутренней духовной. Жизненные идеалы принижены. Многіе охотно мирятся на вѣшнихъ преимуществахъ—силѣ, богатствѣ, знатности, связяхъ и т. д. Въ наше время все блѣде и болѣе распространяется теорія, признающая такой строй жизни вполне нормальнымъ и единственно возможнымъ. Выступать противъ такого вѣянія времени весьма опасно. Подобные проповѣдники обыкновенно подвергаются жестокому гоненію. Встрѣчая отрицательное отношеніе къ жизни со стороны Кронштадтскаго пастыря, современные люди, повидимому, должны были бы не только не чтить его такъ, какъ они чтутъ его въ настоящее время, но и воздвигнуть на него гоненіе. У насъ многіе не выносятъ и меньшихъ обличеній, хотя бы они иногда раздавались съ великихъ святительскихъ кафедръ. Если такъ, то гдѣ же причина такого громаднѣйшаго вліянія о. Іоанна на народныя массы? Въ чемъ „секретъ“ его служенія?

Х.

Не въ тактѣ, но въ личной святости нужно искать „секрета жизни“ о. Іоанна, секрета успѣха его среди народа,—скажетъ кто-нибудь другой. Не склоненъ я раздѣлять и это мнѣніе. Гдѣ найти на землѣ человѣка не только безъ ка-

кого либо одного недочета, но и многихъ, самыхъ разнообразнѣйшихъ и иногда весьма важныхъ недочетовъ? Такого человѣка не было на землѣ, нѣтъ и никогда не будетъ. Припомните жизнь св. людей, представлявшихъ собою цвѣтъ христіанства, — жизнь величайшихъ подвижниковъ, святителей, князей. Какъ часто бывало, что и они сѣтовали на свои немощи. Какъ часто даже въ теченіе всей жизни они принуждены были бороться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ недуговъ. Мало того, многіе изъ нихъ оканчивали дни своей земной жизни, не успѣвши всецѣло побѣдить въ себѣ тотъ или другой грѣхъ. Раскрывая страницы „Дневника“ о. Іоанна, гдѣ предъ читателемъ проходитъ вся внутренняя сокровеннѣйшая жизнь Кронштадтскаго пастыря, какъ часто встрѣчаешься тамъ съ страницами, полными его глубокихъ сѣтованій, скорби на свои духовные недочеты. Вотъ читаешь слова его горячей молитвы о скорѣйшей помощи въ борьбѣ съ грѣхомъ. Вотъ читаешь слова благодаренія за божественую помощь, ниспосланную во-время великому молитвеннику. Тамъ слышатся слезы умиленія, здѣсь слезы грусти, скорби. „Съ самаго начала моего священническаго служенія, мнѣ приходилось вести неравную, упорную и жестокую борьбу не на животь, а на смерть,— рассказываетъ онъ. Съ самаго начала моего священнослуженія я долженъ былъ усиленно молиться Господу силъ, какъ и теперь молюсь, да научитъ Онъ всеблагій руки мои на ополченіе, персты мои на брань, невидимую, упорную, ожесточенную брань. И я не оставленъ безпомощнымъ въ этой спасительной брани. Я возводилъ очи мои, полныя слезъ къ небу, откуда всегда мнѣ приходила помощь, хотя иногда не вдругъ и не скоро, по причинѣ бывшей неопытности моей въ искушеніяхъ на молитвѣ. При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ, я долженъ былъ постоянно обращать душевное око мое внутрь себя, чтобы усматривать нападенія внутреннихъ враговъ, и такимъ образомъ я приучалъ себя почти къ непрерывному духовному созерцанію и тайной молитвѣ“. Вотъ снова мы встрѣчаемъ слово глубокой скорби пастыря о себѣ. „Кто я?—пишетъ онъ. Съ одной стороны, грѣхъ, бездна грѣховная, весь противленіе Богу Всетворцу и Вседержителю, достойный всякаго осужденія и муки. Съ другой, совершенная скудость всякою до-

бродѣтелю и немощь для всякой добродѣтели. Такъ я глубоко палъ, растлѣлъ, изнемогъ. Не могу я безъ Спасителя моего творить ничего, по слову Его и по опытамъ моимъ безчисленнымъ. Онъ сотворилъ мнѣ душу и тѣло, Онъ возрастилъ, Онъ образовалъ мои способности, Онъ творить во мнѣ все благое,—если я дѣлаю что благое,—а мое—только злое. Но, Творче мой и Избавителю мой! Ты сотворилъ меня, я Твое созданіе, Твой рабъ. Ты управляй мною, Ты и твори чрезъ меня волю Твою, даждь мнѣ благодать волю мою совершенно покорить Твоей волѣ, ибо этого безъ Твоей благодати не могу сдѣлать. Ты, Пастыръ мой, паси меня. Ты, Спаситель мой, спаси меня. Ты, свѣтъ мой, просвѣти меня. Ты, Сила моя, укрѣпи меня.“ „Какъ мы быстры на зло и медленны на добро, — продолжаетъ о. Іоаннъ. Вотъ я хочу быть добрымъ къ врагу и выразить на дѣлѣ свою доброту, но прежде чѣмъ я успѣю въ сердцѣ своемъ сдѣлаться добрымъ, я уже золь, огненная стрѣла злобы палить мои внутренности; хочу быть терпѣливымъ, но прежде чѣмъ я утвержду сердце въ терпѣніи, я дѣлаюсь раздражителемъ, нетерпѣливъ; хочу быть смиреннымъ, но сатанинская гордость уже нашла во мнѣ просторный уголокъ; хочу быть тактовымъ, между тѣмъ когда нужно оказать ласку, я оказываюсь грубымъ; хочу быть несребролюбивымъ и щедрымъ, но сребролюбіе и скупость при малѣйшемъ поводѣ, какъ голодные и рыкающіе львы, уже требуютъ себѣ пищи; хочу быть простымъ, довѣрчивымъ, но лукавство и сомнѣніе уже гложутъ мое сердце; хочу быть степеннымъ, сосредоточеннымъ, благоговѣйнымъ въ служеніи Вседержителю, но легкомысліе и сердечная невнимательность уже предварили меня: хочу быть безпристрастнымъ, воздержнымъ въ пищѣ и питіи, но когда увижу пріятную пищу и сяду за столъ, я, какъ невольникъ увлекаюсь своимъ чревомъ въ пріятный плѣнъ, легко позволяю себѣ выпить и сѣсть больше, чѣмъ сколько требуетъ моя природа; жадность и невоздержаніе опять предваряютъ и пересиливаютъ мое желаніе быть равнодушнымъ къ пищѣ и питію. Я подобенъ тому расслабленному, который 38 лѣтъ лежалъ на одрѣ своемъ и сколько разъ не приходилъ къ овчей купели, исцѣлявшей всякаго, кто первый опускался въ нее послѣ возмущенія воды Ангеломъ,—ниъ прежде его слазилъ. И когда я,

разслабленный грѣхами мои, собираю свои усилія и прихожу самъ въ себя,—съ намѣреніемъ погрузиться въ Бога и измѣниться къ лучшему,—инѣ прежде меня слазитъ въ мое сердце; грѣхъ, діаволь упреждають меня въ моемъ собственномъ домѣ, въ моей собственной сердечной купели, не допускають меня до источника живыхъ водъ — Господа, не даютъ мнѣ погрузиться въ очистительной купели вѣры, смиренія, сердечнаго сокрушенія, слезъ. Кто же меня исцѣляетъ?—Одинъ Исусъ Христосъ. Когда Онъ увидитъ мое искреннее и твердое желаніе исцѣленія отъ душевнаго разслабленія, мою теплую молитву о томъ, тогда скажетъ мнѣ „возьми одръ твой и ходи“, — и я встану съ одра сердечнаго разслабленія и пойду, т. е. удобно—по благодати Его—побѣжду всея страсти и совершу всякую добродѣтель“. Вотъ снова о. Іоаннъ скорбитъ, что онъ все еще далекъ отъ идеала христіанина. „Сердце мое должно прилѣпляться къ единому Богу, а оно—что за слѣпота и извращеніе!—прилѣпляется къ сластямъ вѣка сего: къ пищѣ, питью, плотской сласти, къ деньгамъ, къ этому праху, къ одеждамъ, къ этому тлѣну, къ цвѣтамъ исчезающимъ, къ узорамъ, къ покроямъ, прельщающимъ глазъ, къ роскошно убраннымъ покоемъ и т. п. Странное дѣло! Меня, христіанина, небеснаго человѣка, занимаетъ все земное и мало-небесное. Я во Христѣ переселенъ на небеса, а между тѣмъ всею сердцемъ крѣпко прилѣпляюсь къ землѣ и, повидимому, никогда не хотѣлъ бы быть на небѣ, а лучше всегда оставаться на землѣ, хотя земное, при своемъ услажденіи, тяготитъ и мучитъ меня, хотя я и вижу, что все земное ненадежно, тлѣнно, скоро минуетъ, хотя и знаю и чувствую, что ничто земное не можетъ насытить моего духа, умирить, усладить моего сердца, постоянно мятушагося и обуреваемаго суетою земною. Доколѣ же я, небесный человѣкъ, буду земнымъ? Доколѣ буду плотію я, чадо Божіе, иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, но отъ Бога родился во св. крещеніи. доколѣ я не устремлюсь весь къ Богу? Господи! привлецы сердце мое къ Тебѣ Духомъ Твоимъ Святымъ. Господи! отвори сердце мое отъ суеты земной! Господи: безъ Тебя я не могу творить ничесоже“.

Много разъ возставалъ онъ отъ тѣхъ или другихъ грѣховныхъ паденій, но снова запинался. Падавая и вставая, шель

и идетъ онъ ко Христу. „Сколько разъ, о Владыко Господи Иисусе, обновлялъ Ты легкомысленно растлѣваемое грѣхами моими естество мое! Нѣтъ тому числа и мѣры! Сколько разъ Ты изымалъ меня изъ печи, горящей у меня внутри, изъ печи страстей многообразныхъ, изъ пропасти унынія и отчаянія! Сколько разъ однимъ только именемъ Твоимъ, съ вѣрою мною призываемымъ, обновлялъ Ты мое растлѣнное сердечное! Сколько разъ совершилъ это чрезъ животворящія Тайны. О, Владыко! милостямъ Твоимъ ко мнѣ грѣшному, поистинѣ, нѣтъ числа и мѣры. Что же я принесу Тебѣ, или что воздамъ Тебѣ за безмѣрныя Твои ко мнѣ благодѣянія! Да буду я осмотрителенъ въ путяхъ моихъ по благодати Твоей, ибо Тебѣ пріятны все осмотрительныя въ пути, какъ Ты духомъ Своимъ устами отца нашего Давида реклъ еси; постараюсь быть вѣрнымъ Тебѣ, смиреннымъ, кроткимъ, нераздражительнымъ, незлобивымъ, долготерпѣливымъ, трудолюбивымъ, милостивымъ, щедрымъ, нелюбостязательнымъ, послушнымъ.“ Врагъ не перестаетъ искушать о. Іоанна и во время молитвы. „Діаволь часто хватаетъ насъ за сердце зубами своими. Какими зубами? Невѣриемъ, сомнѣніемъ, тѣснотою и всеми страстями. Иногда врагъ томитъ насъ подозрительностью касательно вѣрности слугъ нашихъ относительно нашей собственности, и это дѣлается особенно тогда, когда сердца наши исключительно должны быть заняты богомысліемъ и созерцаніемъ вещей небесныхъ. Чтобы избавиться тебѣ отъ діавольской заботы и печали, припомни слова Писанія: Господь близъ, ни о чемъ же печетесь“. „Многообразны тѣсноты пути узкаго: хочешь молиться—тѣснить врагъ духовно и физически, хочешь писать проповѣдь по долгу—тѣснить лѣностію,—вездѣ тѣсноты. Дымъ адскій усиливается затмить и тѣснить душу даже тогда, когда предъ тобою предлежитъ Святая и страшная Жертва, когда причащаешься ея, и при совершеніи всехъ таинствъ. Чѣмъ важнѣе священнодѣйствіе, тѣмъ сильнѣе и яростнѣе нападаетъ врагъ“.

О. Іоаннъ считаетъ себя въ духовномъ отношеніи даже бѣднѣе нищаго. „Какъ я пристальнѣе посмотрю на нищихъ и поговорю съ ними, такъ я вижу, какіе они любезные, кроткіе, смиренные, простосердечные, искренно доброжелательные, нищіе тѣлесно, но богатые духовно. Они посрамляютъ меня

грубаго, гордаго, злаго, презорливаго и раздражительнаго, лукаваго, хладнаго къ Богу и людямъ, завистливаго и скупаго. Это истинные друзья Божіи. И врагъ, знающій ихъ духовные сокровища, возбуждаетъ въ рабахъ своихъ, гордыхъ богачахъ, презрѣніе къ нимъ и злобу, и готовъ стереть ихъ съ лица земли, какъ будто они не по праву живутъ на ней. О, друзья Бога моего, бѣдные братья мои, вы истинные богачи по духу, а я истинно нищій, окаянный и бѣдный. Вы заслуживаете истиннаго уваженія отъ насъ, обладающихъ въ изобиліи благами міра сего, но нищихъ и скудныхъ дѣлами добродѣтели: воздержанія, кротости, смиренія, незлобія, искренности, горячности къ Богу, и ближнему. Господи! научи меня презирать внѣшнее и все око ума моего обращать внутрь и цѣнить внутреннее, презирая внѣшность“. Мало того, анализируя свою духовную природу, о Іоаннъ доходитъ до мысли что онъ—нравственное ничтожество. „Я нравственное ничтожество, такъ открыто заявляетъ о себѣ смиренный пастырь. Безъ Бога нѣтъ у меня истинно вѣрной мысли и добраго чувства, и прямо добраго дѣла; безъ Него не могу я отогнать отъ себя помысла грѣховнаго, чувства страстнаго. напр., злобы, зависти, блуда, гордости и проч. Господь—совершенство всего добраго, что я мыслю, чувствую дѣлаю. О, какъ безпредѣльно широка дѣйствующая во мнѣ благодать Господа! Все для меня Господь, и такъ ясно, постоянно. Моя—только грѣховность, мои—только немощи“. Падая, онъ утѣшаетъ себя надеждой возстанія. „Не унывайте, подобные мнѣ грѣшники, но только вѣруйте въ Сына Божія. Уважайте другъ друга, грѣшники, и не презирайте никакого грѣшника, ибо все мы—грѣшники, и всѣхъ, пришель спасти, очистить и до небесъ вознести Сынъ Божій“.

Итакъ, кто хочетъ видѣть причину поразительнаго вліянія Кронштадскаго пастыря на народъ въ его личной, полной святости, тотъ долженъ отказаться и отъ этого взгляда. Въ великомъ пастырѣ мы несомнѣнно найдемъ духовные недочеты. У него ихъ, можетъ быть, даже не меньше сравнительно со многими людьми, которые совнѣ кажутся почти нравственно безукоризненными. Въ чемъ же тогда „секретъ его жизни“, секретъ его вліянія на людей?

XI.

По мнѣнію другихъ, фактъ поразительнѣйшаго, непреодолимаго вліянія о. Іоанна на народныя массы нужно объяснять его нервозностью. Посмотрите, говорятъ, на него, когда онъ находится вмѣстѣ съ народомъ. Глаза его какъ то особенно горять. Каждая черта лица напряжена. Отъ лица вѣетъ чѣмъ то особеннымъ, неподдающимся описанію и выраженію. Движенія о. Іоанна порывисты; голосъ рѣзокъ и выразителенъ. Есть въ немъ что то необыкновенное, паразитическое, что невольно неотразимо и непреодолимо дѣйствуетъ на каждаго. Какъ бурный потокъ увлекаетъ за собою все, что встрѣчаетъ на пути своего слѣдованія, такъ и этотъ человѣкъ увлекаетъ за собою непреодолимо всѣхъ и каждаго, съ кѣмъ только приходится ему соприкасаться. Еще болѣе необыкновеннымъ выглядитъ о. Іоаннъ во время богослуженія. Здѣсь подъемъ всѣхъ его духовныхъ силъ достигаетъ наивысшаго напряженія. Его заразительность если такъ можно выразиться, въ это время достигаетъ самыхъ громадныхъ размѣровъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ эти минуты пятитысячная толпа народа стонетъ и плачетъ при видѣ его, какъ одинъ человѣкъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, говорятъ и въ томъ, что въ это время восторженныя, болѣе религіозныя натуры даже видятъ различныя видѣнія—Спасителя, Ангеловъ и другихъ небожителей,—видѣнія, доступныя лицезрѣнію только немногихъ. Область экстаза, въ которой приходятъ восторженныя, религіозныя натуры, очень глубока и обширна. Въ этомъ состояніи люди могутъ совершать такія дѣла, изъ которыхъ многія до сихъ поръ не могутъ быть изъяснены самыми талантливыми учеными.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, пытаются объяснить и поразительныя исцѣленія, совершаемыя о. Іоанномъ. И въ этомъ, говорятъ, нѣтъ ничего необыкновеннаго. Подъ вліяніемъ страшнаго духовнаго напряженія и полнаго нравственнаго перелома, когда пробуждаются самыя сокровенныя, еще недовѣдомыя человѣку его великія внутреннія, зиджительныя силы, могутъ совершаться какіе угодно поразительные факты. Въ этомъ состояніи могутъ выздоравливать паралитики, глухіе, нѣмые, сухорукіе, люди съ согбенными раз-

личными членами. Развѣ вы не читали, говорятъ, „Лурдъ“ Зола? Зола ясно тамъ доказалъ, что исцѣленіе Мари, извѣстной больной дѣвушки, у статуи Лурдской Божіей Матери, совершилось совершенно естественнымъ способомъ? Говорятъ, было бы чудомъ, если бы этого исцѣленія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась Мари, не было. Все въ этомъ, повидимому, странномъ событіи до того просто, ясно, что не нуждается даже ни въ какихъ особенныхъ поясненіяхъ и обоснованіяхъ. А между тѣмъ католическое духовенство открыто и торжественно признало фактъ исцѣленія Мари чудомъ, несомнѣнно совершеннымъ Лурдской Божіей Матерію.

Не буду много говорить объ этомъ взглядѣ на жизнь и дѣятельность о. Іоанна,—взглядѣ весьма распространенномъ въ настоящее время. Скажу немного. Когда Спаситель совершалъ великія, поразительнѣйшія чудеса, совершалъ ихъ на глазахъ у множества народа, одни вѣрили въ нихъ и исповѣдовали Его Сыномъ Божіимъ, а нѣкоторые говорили, что Онъ совершаетъ ихъ силою Веельзевула. Подобные люди не только говорили это, но и другихъ вездѣ и всюду хотѣли увѣрить въ томъ же. Если находились люди, которые чудеса самого Спасителя понимали различно, то еще менѣе должно удивляться тому, что исцѣленія, совершаемыя о. Іоанномъ, понимаютъ различно. Можетъ быть, ошибаюсь, но я глубоко вѣрю тому, что люди извѣстнаго склада ума будутъ всѣ чудесныя явленія объяснять самымъ естественнымъ способомъ, какими бы размѣрами необычайности они не отличались. Думается и вѣрится, что эти люди, если бы видѣли самого Христа, совершающимъ чудо въ какой либо ихъ лабораторіи, при возможномъ для человѣка контролѣ всѣхъ дѣйствій Чудотворца, будучи вооружены всевозможными аппаратами, все-таки не повѣрили бы даже чуду воскресенія Лазаря. Вѣра въ чудо есть актъ и виѣшній, и внутренній. Безъ извѣстнаго душевнаго уклада, жизнепониманія невозможно справедливо оцѣнить тѣ или другія явленія духовной жизни. Смотри на явленіе подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, необходимо и естественно уже представляешь его не въ надлежащемъ, дѣйствительномъ видѣ, а окутаннымъ дымкой тѣхъ или другихъ взглядовъ и воззрѣній.

О нервозности о. Іоанна, какъ основной причинѣ его влія-

нія на народъ, по моему мнѣнію, даже смѣшно говорить. Въ настоящее время такъ много всевозможныхъ нервныхъ людей, какъ ихъ мало когда бывало. Не даромъ нашъ вѣкъ называютъ нервнымъ вѣкомъ. Однако не смотря на все это, какъ мало, чтобы не сказать болѣе, среди массы чрезвычайно нервныхъ людей мы находимъ людей, хотя бы только въ незначительной мѣрѣ напоминающихъ собою по своему вліянію на народъ,—Кронштадтскаго пастыря. При этомъ нужно имѣть въ виду и другое весьма немаловажное обстоятельство. Не нужно скрывать того, что дѣятельность о. Іоанна является предметомъ зависти для многихъ. Многие уже пытались подражать ему во всемъ, чтобы вызвать своею дѣятельностью явленія, напоминающія собою хотя бы только отчасти дѣятельность о. Іоанна. Подражали его манерамъ—говорить, служить, читать, ходить, обращаться съ людьми. То тамъ, то здѣсь проходили слухи о явленіи новаго о. Іоанна Кронштадтскаго. И народъ начиналъ приходить къ такимъ о. Іоаннамъ. Но какъ все это мало походило на то, что всѣ мы привыкли видѣть въ дѣйствительномъ о. Іоаннѣ. Слава о такихъ о. Іоаннахъ скоро мало по малу замирала и потомъ о нихъ всѣ совершенно забывали.

Наконецъ, у многихъ людей, глубоко вѣрящихъ о. Іоанну и въ о. Іоанна, есть способность все анализировать, ко всему отнестись строго критически. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, обманывать десятки тысячъ людей, среди которыхъ множество высокопросвѣщенныхъ и глубокообразованныхъ. Однако, никакой анализъ, никакой скепсисъ не далъ имъ ничего обнаружить предосудительнаго въ дѣятельности о. Іоанна. Даже молва, осуждающая о. Іоанна, скептически, а иногда и совершенно отрицательно относящаяся къ его служенію, не могла въ нихъ поколебать глубокой вѣры въ него. Очевидно, и не здѣсь нужно искать причины глубочайшаго вліянія о. Іоанна на народныя массы.

Нѣкоторые говорятъ, что главный факторъ вліянія этой великой личности на народъ—факторъ историческій. О. Іоаннъ представляетъ собою воплощеніе созданнаго самимъ народомъ, въ теченіе его многострадальной, вѣковой исторіи, идеала православнаго пастыря. Когда народъ увидѣлъ въ о. Іоаннѣ воплощеніе этого идеала, то народная любовь къ нему проявилась съ неудержимой, можно сказать, стихійной силой.

Конечно, есть нѣчто справедливое въ этомъ взглядѣ. Всѣ герои, выдающіеся общественные дѣятели всегда, такъ сказать, націонализируются, проходятъ сквозь призму національнаго сознанія и получаютъ здѣсь извѣстныя черты и оттѣнки, понятныя болѣе тому народу, среди котораго сложились они. Но нельзя согласиться съ этимъ взглядомъ вполне. Онъ не обнимаетъ собою всей дѣятельности о. Іоанна. Въ самомъ дѣлѣ, если о. Іоаннъ вліяетъ на народъ потому, что онъ представляетъ собою воплощеніе только народнаго идеала пастыря, то спрашивается, почему онъ вліяетъ на иностранцевъ всѣхъ возрастовъ, званій, состояній,—иностранцевъ, не выдавшихъ о. Іоанна никогда и не имѣвшихъ никакого представленія о народномъ идеалѣ православнаго пастыря? Какимъ образомъ онъ вліяетъ на евреевъ, татаръ, караимовъ, не имѣющихъ не только представленія о народномъ идеалѣ православнаго пастыря, но и несродненныхъ съ духомъ нашего христіанскаго жизнепониманія и жизнеустроенія? Какимъ образомъ тогда онъ вліяетъ на лицъ интеллигентныхъ, мужей науки, для которыхъ иногда не только не существуетъ никакого идеала православнаго пастыря, но и самое то служеніе его является поразительнымъ невѣжествомъ и абсурдомъ? Какимъ образомъ о. Іоаннъ, подобно какому нибудь магу, приводитъ въ поразительно гармоническое движеніе всѣ эти столь разнообразныя элементы общества? Нельзя не обратить вниманія и на другую сторону дѣла. И среди современныхъ русскихъ пастырей, если не чрезвычайно многіе, то нѣкоторые—являются истинными носителями и выразителями историческихъ началъ своего народа. Однако, всѣмъ намъ прекрасно извѣстно, какъ мало среди нихъ людей, которые были бы подобны о. Іоанну по своему вліянію на столь различныя до полной противоположности слои общества. Едва ли можно говорить и о воплощеніи широкаго идеала христіанской жизни въ какія бы то ни было узкія рамки національнаго самосознанія. Христіанство—религія духа. Христось, проповѣдуемый современными пастырями, выше рамокъ всякаго національнаго міросозерцанія, какою бы высотой оно не отличалось. Очевидно, „секретъ жизни“ о. Іоанна заключается и не въ историческомъ факторѣ, какъ говорятъ нѣкоторые.

Другіе утверждаютъ, что поразительно широкая благо-

творительность о. Іоанна влечетъ къ нему сердца всѣхъ. Русскій народъ, говорятъ, въ лицѣ о. Іоанна имѣетъ въ высшей степени разительный примѣръ Того, Кто ходилъ повсюду благотворя. Бѣдность, говорятъ, всюду пойдетъ за кускомъ хлѣба и преклонится предъ всякимъ, кто его имѣетъ и даетъ ему. Подобные люди не прочь даже напомнить намъ о великомъ Инквизиторѣ Достоевскаго и его взглядахъ на силу насущнаго хлѣба. Правда, щедрая благотворительность о. Іоанна влечетъ къ нему много народа отовсюду. Но не ею однако нужно объяснять фактъ безпримѣрнаго вліянія о. Іоанна на народъ. Вѣдь не нужно забывать слѣдующаго. Къ о. Іоанну обращаются за помощію милліонеры—богачи. Какая имъ нужна отъ него, не имѣющаго часто у себя ни одной копейки денегъ, помощь? Къ нему обращаются интеллигентные люди, пораженные духомъ сомнѣнія, невѣрія, ищущіе всюду разрѣшенія своихъ жгучихъ вопросовъ и сомнѣній. Къ нему обращаются люди, страдающіе всевозможными болѣзнями, нуждающіеся или въ исцѣленіи ихъ, или въ смягченіи своихъ страданій. Къ нему приходятъ собратья-сопастыри, желающіе научиться здѣсь болѣе успѣшно трудиться на нивѣ Господней. Какая имъ нужна отъ него помощь? Къ нему приходятъ юноши съ вопросомъ „что имъ дѣлать?“ Какой помощи они просятъ у него? Отъ чего плачутъ въ храмѣ Божиѣмъ, гдѣ онъ служитъ, пятитысячная толпа народа, изъ которыхъ большинство не получило отъ него ни одной копейки? Наконецъ, нельзя забывать и того, что о. Іоаннъ началъ свою дѣятельность, будучи простымъ бѣднымъ священникомъ, какъ начинаютъ свою дѣятельность большинство нашихъ пастырей. Чѣмъ же онъ сталъ тогда привлекать къ себѣ сердца людей? Очевидно, и не въ благотворительности только о. Іоанна нужно искать „секрета его жизни“, а въ чемъ то другомъ.

ХІІ.

Кажется, нѣтъ ничего труднѣе, какъ подвергнуть анализу сокровеннѣйшіе тайники души человѣческой, полные загадочныхъ и таинственныхъ силъ. Какъ часто бываетъ, что эти таинственныя силы, поднимающіяся въ насъ откуда то изъ недовѣдомой намъ глубины, въ минуты, когда мы ихъ

не ожидаемъ, какъ мало эти свѣтлыя и темныя силы извѣстны и намъ самимъ. Кто же въ состояніи съ увѣренностію сказать когда либо о другомъ, что я постигъ секретъ его жизни? Поэтому я не выдаю своего рѣшенія поставленнаго вопроса, которое сейчасъ выскажу, за единственно вѣрное, справедливое и возможное. Скажу даже болѣе. Я не буду, я не хочу утверждать ни того, что онъ вѣренъ, ни того, что онъ не вѣренъ. Я скажу только то, что думаю по этому вопросу и во что самъ лично глубоко вѣрю.

По моему глубокому, непоколебимому убѣжденію весь „секретъ жизни“ о. Іоанна заключается въ его истинной, живой вѣрѣ во Христа и Его ученіе, въ полномъ проникновеніи этимъ ученіемъ, ставшемъ отнынѣ его родною и вѣчною стихіей. О. Іоаннъ можетъ сказать вмѣстѣ съ Ап. Павломъ, что „не я уже живу, а живетъ во мнѣ Христосъ.“ Онъ какъ бы утратилъ свое индивидуальное бытіе, свою душу. Его душа какъ бы погрузилась въ духъ Христа и перестала существовать отдѣльно. Его жизнь стала съ этого времени не его жизнію, а жизнію во Христѣ, какъ онъ и самъ ее называетъ. На все онъ сталъ теперь смотрѣть иначе. Весь міръ видимыхъ и невидимыхъ явленій для него распался на два міра—міръ Христа и міръ антихриста. Въ его жизни не стало ни одной минуты, когда бы можно было служить кому либо другому, кромѣ Христа. Онъ сталъ теперь говорить: „во всемъ и на всякое время угождай Богу и думай о спасеніи души своей отъ грѣховъ и діавола и о усвоеніи ея Богу. Всталъ съ постели, перекрестись и скажи: „Господи, сподоби въ день сей безъ грѣха сохраниться намъ“ и „научи мя творити волю Твою;“ моешься дома или въ банѣ, говори: „окропиши мя весопомъ, Господи, и очишуся, омыши мя, и паче снѣга убѣлюся“; надѣваешь бѣлье, думай о чистотѣ сердца и проси у Господа чистаго сердца: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже“; обнову сшить и надѣваешь ее, думай объ обновленіи духа и говори: „духъ правъ, Господи, обнови въ утробѣ моей“; отлагаешь ветхую одежду съ пренебреженіемъ ея, думай объ отложеніи съ большимъ пренебреженіемъ ветхаго человѣка, грѣховнаго, страстнаго, плотскаго; вкушаешь хлѣбъ сладости, думай объ истинномъ хлѣбѣ, дающемъ вѣчную жизнь душамъ нашимъ и желай чаще его причащаться; пьешь воду или чай, или медъ сла-

дости, или другое питіе, думай объ истинномъ питіѣ, ут-
 ляющемъ души, палимыя страстями, о Пречистой и Живо-
 творящей Крови Спасителя; отдыхаешь днемъ, думай о вѣч-
 номъ покоѣ, уготованномъ подвижавшимся здѣсь въ борьбѣ
 съ грѣхомъ, съ духами злобы поднебесными, съ неправдами
 человѣческими или невѣжествомъ и грубостью человѣче-
 скою; спать ли ложншься ночью, думай о снѣ смертномъ,
 который рано или поздно неперемѣнно придетъ для всѣхъ
 насъ, и о той темной, ужасной, вѣчной ночи, въ которую
 будутъ повержены всѣ грѣшники нераскаянные; встрѣчаешь
 день, думай о невечернемъ, вѣчномъ, пресвѣтломъ — паче
 нынѣшняго солнечнаго дня—днѣ царствія небснаго, въ ко-
 торый будутъ радоваться всѣ угодившіе Богу, или отъ всего
 сердца покаявшіеся Богу въ этомъ временномъ животѣ,
 идешь ли куда, думай о правости духовнаго хожденія предъ
 лицомъ Бога и говори: „стопы моя направи по словести Тво-
 ему и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе“; дѣлаешь ли
 что, старайся это дѣло дѣлать съ мыслию о Богѣ Творцѣ,
 все содѣлавшемъ безконечною премудростію, благостію Своєю
 всемогуществомъ Своимъ и тебя создавшемъ по образу и
 по подобію Своему; деньги ли, сокровище ли какое полу-
 чаешь или имѣешь, думай, что сокровище наше неистоши-
 мое, отъ коего всѣ сокровища, души и тѣла, источникъ
 приснотекущей всякаго блага—есть Богъ, вседушевно Его
 благодари и не заключаи своихъ сокровищъ у себя, да не
 заключишь входа въ свое сердце безцѣнному и живому
 Сокровищу—Богу, но удѣляй изъ своего состоянія требую-
 щимъ, нуждающимся, нищимъ братіямъ своимъ, которые
 для того поставлены въ этой жизни, чтобы ты могъ на
 нихъ доказать любовь твою, благодарность къ Богу и удо-
 стоиться за то награды въ вѣчности; видишь ли бѣлый се-
 ребряный блескъ, т. е. бѣлое серебро, не прельщайся имъ,
 но помыслиай, что должна быть бѣла и блистать добродѣ-
 телами Христовыми душа твоя; видишь ли золотой блескъ
 или золото, не прельщайся имъ, но помни, что тебя самого
 Господь хочетъ просвѣтити, какъ солнце, въ вѣчномъ, свѣт-
 ломъ царствіи Отца Своего“.

Гдѣ, въ чемъ заключается жизнь, смыслъ жизни для о.
 Юанна? „Господи! исповѣдую предъ Тобою, что не на дачѣ,
 не въ лѣсу жизнь и здравіе и крѣпость духовныхъ и тѣ-

лесныхъ силъ, а у Тебя во храмѣ, наипаче въ литургіи и въ животворящихъ Твоихъ Тайнахъ“. Господь для о. Іоанна не только премірное существо, которому какъ бы чужды горе, нужды и страданія людей, Который изъ недовѣдомой для насъ дали только созерцаетъ міръ. Нѣтъ, онъ видитъ Его вездѣ и всюду какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духовномъ. „Господь есть совершенный обладатель и повелитель всей твари, и мы знаемъ, что повелѣній Его слушаетъ вся тварь; ангелы и смысленные сердцемъ человѣки, небо, земля и все, что на нихъ, даже адъ и все, что въ немъ. Повелѣваетъ ангеламъ—и они быстро шествуютъ исполнять волю Его; повелѣваетъ быть хранителями возрожденныхъ людей—и они хранятъ всю жизнь и ни въ чемъ не преступаютъ повелѣній Его; повелѣваетъ небу—и оно или даетъ дождь и росу, или снѣгъ и градъ, или удерживаетъ ихъ; повелѣваетъ вѣтрамъ, водѣ—и они слушаются Его; повелѣваетъ огню—и онъ слушается Его; повелѣваетъ солнцу—и оно затмевается или свѣтитъ всей подсолнечной, согрѣвая и освѣщая ее, повелѣваетъ землѣ—и она прозябаетъ разнаго рода растенія, запрещаетъ произращать—и перестаетъ; повелѣваетъ водамъ неудержимо литься на землю—и онѣ льются, какъ въ потоки всемірныя; повелѣваетъ вѣтрамъ—и они дуютъ, свирѣпствуютъ и бывають разрушительными за грѣхи наши; повелѣваетъ киту морскому пожрать пророка Іону—и онъ готовъ на ловъ; повелѣваетъ рыбѣ наполнить съѣтъ учениковъ своихъ—и она бѣжитъ, и бѣжитъ послушная велѣнію Творца; повелѣваетъ мертвецу встать, ожить—и смерть бѣжитъ отъ человѣка, и является жизнь; повелѣваетъ болѣзни оставить больного— и болѣзнь бѣжитъ, и больной встаетъ, бодрый и здоровый; повелѣваетъ бѣсамъ—и они безпрекословно повинутся. Велико имя Господне, хвално имя Господне, препрославлено имя Господне! Онъ можетъ претворять твари Свои, какъ Ему угодно: напр. воду въ кровь, воду въ вино, посохъ въ змія живаго, или опять: посохъ—въ живое растеніе; человѣка въ столпъ, какъ жену Логову, змѣя—въ золото, и опять золото—въ змѣя, какъ это по молитвѣ угодника Своего Спиридона Тримифунтскаго сотворилъ Господь. Но особенно сила, держава Господня проявляется въ томъ, что онъ претворяетъ человѣка-грѣшника въ святой и избранный сосудъ, падшаго паденіемъ ужас-

нымъ—восстанавливаетъ, растлѣннаго воскрешаетъ и обновляетъ, мертваго душею и тѣломъ человѣка—оживляетъ, павшаго въ вѣчную смерть—вводитъ въ вѣчную жизнь. Это чудо чудесъ; это являетъ безконечную благодать, премудрость и всемогущество Господа твари, или еще то, что Онъ Самъ будучи Господомъ твари, безначальнымъ, невмѣстимымъ, изволилъ и возмогъ Самъ содѣлаться человѣкомъ нашего ради спасенія... Господи! славлю всеблагу, святую, всемогущую, премудрую державу Твою. Господи! яви и на мнѣ чудную державу твою и, имже вѣси судьбами, спаси мя, недостойнаго раба Твоего, презирая вольныхъ и невольныхъ согрѣшенія мои, согрѣшенія вѣдомыя и невѣдомыя, наставляя меня присно на путь Твой и укрѣпляя меня въ пути семъ благодатію Твоею! чрезъ меня и—прочихъ, для которыхъ Ты поставилъ меня свѣтильникомъ, пастыремъ, учителемъ и священнодѣйственникомъ“.

Отсюда вытекаетъ его постоянная молитва къ Богу, отличающаяся почти всегда однимъ и тѣмъ же содержаніемъ. „О, невидимый Благодѣтель мой, Коимъ я постоянно живу,—молится онъ,—Ты, мнѣ внимающій, исполняющій во благихъ желанія сердца моего, спасающій меня отъ грѣховъ моихъ, отъ злодѣйства невидимыхъ враговъ, Ты, благоустрояющій судьбу мою, просвѣщеніе мое, помощь моя, слава моя, сила моя, утвержденіе мое, когда я узрю Тебя? Когда узрю Благодѣтеля и Творца лицомъ къ лицу?“ Говоритъ онъ не разъ и о благодатныхъ вѣяніяхъ, которыя онъ нерѣдко ясно ощущалъ въ своей душѣ. „Благодарю Господа сильнаго въ благодати и крѣпкаго въ крѣпости Своей, за помилованіе скорое и великое, за исцѣленіе глубокихъ язвъ сердечныхъ, причиненныхъ грѣхомъ. Что не могла сдѣлать продолжительная домашняя молитва, то сдѣлало одно только прикосновеніе къ животворящему, славному и страшному престолу Божію въ храмѣ: язва сердца, смущеніе, скорбь и тѣснота вдругъ исчезли, какъ бы великая гора отпала отъ сердца, и я сдѣлался миренъ, на сердцѣ стала легкость, просторъ и дерзновеніе. Дивны дѣла Твои, Господи“. И опять мы читаемъ въ его „Дневникъ“ слѣдующія знаменательныя слова. „Благодарю Тебя, Господи, яко даруеши мнѣ новую жизнь каждый разъ, когда я со слезами покаянія и благодаренія совершаю божественную литургію и причащаюсь пречистыхъ и животво-

рящихъ Таинъ Твоихъ. Твоимъ святымъ Тайнамъ я обязанъ доселѣ продолженіемъ бытія моего, непорочностію путей моихъ и доброю славою въ людяхъ твоихъ... Да святится имя Твое великое во мнѣ паче и паче,—и во всѣхъ людяхъ Твоихъ, на нихъ же имя Твое святое нарицается, — и во всемъ мірѣ Твоемъ... Да будетъ воля Твоя святая, премудрая, всеблагая, всесовершенная, всеблаженнотворная, яко на небеси и на земли во всѣхъ людяхъ Твоихъ, и во мнѣ грѣшномъ, ибо собственная воля наша ошибочна, близорука, грѣховна, гибельна, нелюбовна, зла, завистлива, горделива, лѣнива, роскошлюбива, сребролюбива, скупа“. „Владыко мой, Господи Иисусе Христе! Мой скорый, пребыстрый, непостыждающій Заступниче! Благодарю Тебя отъ всего сердца моего, что Ты внялъ мнѣ милостиво, — когда я въ омраченіи, тѣснотѣ и пламени вражіемъ воззвалъ къ Тебѣ, — пребыстро, державно, благостно, избавилъ меня отъ врагъ моихъ и даровалъ сердцу моему пространство, легкость, свѣтъ! О, Владыко, какъ я бѣдствовалъ отъ козней врага, какъ благовременно Ты явилъ мнѣ помощь и какъ явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благодать Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянныхъ; славлю Тебя, что Ты не посрамилъ лица моего въ конецъ, но милостиво отъ омраченія и безчестія адскаго избавилъ меня. Какъ же послѣ этого я могу когда либо отчаяваться въ Твоемъ услышаніи и помилowanіи меня окаяннаго? Буду, буду всегда призывать сладчайшее имя Твое, Спасителю мой; Ты же, о пренеисчетная Благодѣтельница, яко же всегда, сице и во предняя спасай меня по безмѣрному благоутробію Твоему, яко имя Тебѣ—Человѣколюбецъ и Спасъ“.

О. Іоаннъ открыто исповѣдуетъ, что Господь не разъ его руками совершалъ даже чудеса. Вотъ въ своемъ „Дневникѣ“ онъ пишетъ: „младенцы Павелъ и Ольга по безпредѣльному милосердію Владыки и по молитвѣ Моего непотребства исцѣлились отъ одержавшаго ихъ духа немощи. У Павла-малютки немощь разрѣшилась сномъ, малютка-Ольга получила спокойствіе духа, и личико изъ темнаго сдѣлалось яснымъ. Девять разъ я ходилъ молиться съ дерзновеннымъ упованіемъ, надѣясь, что упованіе не посрамитъ, что толкующему отвержется, что хоть за неотступность дать мнѣ Владыка просимое; что если неправедный судія удовлетворилъ на-

конецъ утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворить мою грѣшную молитву о невинныхъ дѣтяхъ, что Онъ призритъ на трудъ мой, на ходьбу мою, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на дерзновеніе мое, на упованіе мое. Такъ и съблалъ Владыка; не посрамилъ меня грѣшника. Прихожу въ десятый разъ,—младенцы здоровы“. Разсказываетъ онъ и о другомъ поразительномъ исцѣленіи, совершенномъ имъ. „Нѣкто, бывши смертельно боленъ воспаленіемъ желудка девять дней и не получившій ни малѣйшаго облегченія отъ медицинскихъ пособій — лишь только причастился въ девятый день по утру животворящихъ Таинъ, къ вечеру сталъ здоровъ и всталъ съ одра болѣзненнаго. Причастился онъ съ твердою вѣрой. Я молился о немъ Господу, чтобы Онъ исцѣлилъ его. Господи! говорилъ я: исцѣли раба Твоего отъ болѣзни его. Достоинъ есть, ему же даси сія, любить бо священниковъ Твоихъ и дары своя присылаетъ имъ. — Молился и въ церкви у престола Господня за литургіей. Молился между прочимъ такъ: Господи! Животе нашъ! Какъ мнѣ помыслить легко объ исцѣленіи, такъ Тебѣ легко исцѣлить всякую болѣзнь; какъ мнѣ помыслить легко о воскресеніи изъ мертвыхъ, такъ Тебѣ легко воскресить всякаго мертвеца. Исцѣли убо раба Твоего Василія отъ лютой его болѣзни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданію жена и дѣти его,—и благопослушливый Владыка помиловать. А то былъ на волосокъ отъ смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушству Твоему, Господи!“

Вотъ и еще подобный случай, о которомъ разсказываетъ также самъ о. Іоаннъ. „Дивлюсь величію и животворности божественныхъ Таинъ: старушка, харкавшая кровью и обезсилѣвшая совершенно, ничего не ѣвшая,—отъ причастія св. Таинъ, мною преподанныхъ, въ тотъ же день начала поправляться. Дѣвушка, совсѣмъ умиравшая, послѣ причастія св. Таинъ, въ тотъ же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тѣмъ какъ она была почти въ безпамятствѣ, металась сильно и ничего не ѣла и не пила“. „Господи! какъ я Тебя восхваляю, какъ я Тебя прославляю“. Вотъ о. Іоаннъ свидѣтельствуетъ о многихъ чудесахъ, совершенныхъ по молитвѣ его. „Господи! какъ я Тебя восхваляю, какъ я Тебя прославляю за силы Твои, за чудеса исцѣленій отъ

св. Тайнъ Твоихъ, явленные на мнѣ и на многихъ людяхъ Твоихъ, которымъ я, недостойный, преподалъ послѣ таинства покаянія сн̄ святыхъ, небесныхъ, животворящихъ Твоихъ Тайнъ! Вотъ они исповѣдуютъ предо мною силу Твою, благость Твою, во всеуслышаніе говорятъ, что Ты простеръ на нихъ чудодѣйствующую руку Твою и подъялъ ихъ съ одра болѣзни, съ одра смертнаго, когда никто не чаялъ, что они будутъ живы,—и вотъ послѣ причащенія Тѣла и Крови Твоей, Жизнодавче, они вскорѣ ожили, исцѣлѣли, въ тотъ же часъ и день почувствовали на себѣ жизнодательную Десницу Твою. А я, Господи, — очевидецъ дѣлъ Твоихъ — не прославилъ Тебя доселѣ во всеуслышаніе, къ утверженію вѣры людей Твоихъ и не знаю, какъ и когда прославить Тебя, ибо всякій день занять какими либо дѣлами. Ты Самъ сотвори Себѣ имя, Господи, якоже и сотворилъ еси; Самъ прослави имя Твое, Тайны Твоя“.

Перечисленными случаями, конечно, не исчерпана далеко еще лѣтопись исцѣленій, совершенныхъ о. Іоанномъ. О многихъ изъ нихъ въ свое время краснорѣчиво писали въ газетахъ и журналахъ. Исцѣленные имъ есть и въ пышныхъ палатахъ, и въ бѣдныхъ крестьянскихъ хижинахъ. Силу молитвы его испытали на себѣ и старцы, и юноши, и дѣти, и женщины, и просвѣщенные, и мало просвѣщенные. Поэтому мы не будемъ болѣе говорить объ этой сторонѣ жизни и дѣятельности Кронштадскаго пастыря.

Итакъ, область духа—вотъ сфера жизни о. Іоанна. А какая это таинственная, величайшая, всеобъемлющая область. Сколько величайшихъ, намъ мало извѣстныхъ или совсѣмъ даже неизвѣстныхъ, силъ и явленій таится въ ней. Когда исчерпаетъ ее всю человѣкъ? Ее не въ состояніи исчерпать не только никто изъ людей въ теченіе всей своей жизни, какимъ бы долголѣтіемъ, она не отличалась, но и все чело- вѣчество, взятое вмѣстѣ, бессильно здѣсь. Поэтому я не удивляюсь ничему особенному, поразительному, выдающемуся, что черпаютъ изъ этого глубочайшаго источника благодатные, Божіи люди. Скажу болѣе того, я не удивлюсь ничему такому, что было бы совершенно выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій и для меня казалось бы рѣшительно непонятнымъ и непостижимымъ.

Я предвижу напередъ, что мнѣ будутъ возражать, прочи-

тавши эти мои строки. Многие скажутъ: „Только то? Стоило ли объ этомъ писать? Это такъ хорошо всѣмъ извѣстно? А мы развѣ не христіане? А мы развѣ не вѣруемъ во Христа и Его ученіе? Стоило ли объ этомъ писать? Стоило ли въ такомъ случаѣ и критиковать другихъ? Вы ничего новаго намъ не сказали“.

Да, сознаюсь откровенно, я ничего не сказалъ новаго. Скажу даже болѣе, я сказалъ нѣчто такое старое, что старо такъ же, какъ старъ этотъ міръ. Но я не могу не сказать и того, что это старое такъ же ново, вѣчно, юно, жизненно, какъ ново все самое новое, что мы можемъ только видѣть, наблюдать или представить. Христось—вѣчность, недоступная человѣку даже хотя бы только для приблизительнаго представленія ея. Христось въ то же время и—каждое мгновеніе нашей духовной жизни. Коренная ошибка почти всѣхъ насъ заключается въ томъ, что мы никакъ не можемъ усвоить этого. Если же нѣкоторымъ нѣсколько удастся приблизиться теоретически къ пониманію этой истины, то имъ не удастся никакъ постигнуть этого практически. Несомнѣнно, что мы христіане. Но также несомнѣнно и то, что многие изъ насъ болѣе по имени только христіане. Ученіе Христа еще не стало нашей плотію и кровью, нашей второй природой. Многие изъ насъ еще не облечлись всецѣло во Христа и не сочетали своей жизни съ жизнью неба, не привили всецѣло своей жизни къ Источнику вѣчной жизни. Многие изъ насъ не могутъ сказать, что Христось живетъ въ нихъ, какъ это говорилъ о себѣ Ап. Павелъ, и какъ говорили и говорятъ о себѣ лучшіе изъ христіанъ. Мы не можемъ сказать, что представляемъ собою вѣтвь на лозѣ, органически, неразрывными узлами связанную съ своимъ стволомъ и получающею только отсюда свои живительные соки. Многихъ ли изъ насъ сердца — храмъ Духа Божія? Души многихъ ли изъ насъ приуготовлены въ обитель для Бога и Его Сына? Небесный Женихъ часто по долгу стоитъ у дверей нашего сердца, совершенно напрасно ожидая внутреннего голоса, который бы позвалъ его внутрь храмина бесѣдовать и вечерять съ Нимъ. Рѣдко, рѣдко, и большею частію лишь на нѣсколько блаженныхъ, счастливѣйшихъ мгновеній, наша душа озаряется свѣтомъ небеснымъ. А большею частію мы блуждаемъ въ полутьмѣ, ходимъ какъ бы

въ царствѣ тьней. Мы влаемся постоянно между свѣтомъ и полутьмой. Намъ сказано и заповѣдано: „любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ, какъ заповѣдано поступать? Намъ сказано: „ищите во первыхъ царства Божія и правды Его, и сіе все приложится вамъ“. Многіе ли изъ насъ съ этого начинаютъ свою жизнь? Намъ сказано: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ? Намъ сказано: „просящему у тебя — дай, и отъ хотящаго занять у тебя—не отвращайся“. Многіе ли изъ насъ поступаютъ такъ? Намъ сказано: „именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ и они будутъ здоровы“. А мы такъ далеки отъ проникновенія этими словами, что не только не совершаемъ „знаменій“ именемъ Христа, но еще и сомнѣваемся, чтобы не сказать болѣе, въ возможности этого. Не пустымъ ли звукомъ для многихъ изъ насъ являются и слѣдующія знаменательныя слова Спасителя: „если бы вы имѣли вѣру съ зерно горчичное и сказали смоковницѣ сей: исторгнись, и пересадись въ море; то она послушалась бы васъ“. А какъ относятся многіе къ другимъ подобнымъ словамъ Спасителя: „если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: преиди отсюда туда: и она преидетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“?. Всѣ ли изъ насъ и вопли ли раздѣляютъ христіанское жизнеустройство и жизнепониманіе? Богъ ближе къ намъ всякаго человека во всякое время: ближе моеѣ одежды, ближе воздуха, свѣта, ближе жены, отца, матери, дочери, сына, друга. „Я Имъ живу душевно и тѣлесно, говоритъ о. Іоаннъ. Имъ дышу, Имъ мыслю, чувствую, соображаю, намѣреваюсь, говорю, предпринимаю, дѣлаю... Какъ въ морѣ, озерѣ, или рѣкѣ каждая частица находится въ соединеніи съ другими и окружена ими, или какъ въ воздухѣ каждая частица окружена другими и соединена съ ними, такъ всѣ мы — зем-

нородные окружены Богомъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ чистые изъ насъ или очищающіеся соединены съ Нимъ и всюду въ Немъ находятся“. Но живемъ ли мы этими представленіями? Воплощаемъ ли ихъ въ своей жизни? Дѣйствительно ли постоянно въ насъ обитаетъ благодать Божія? Не становится ли наша душа часто ареной дѣйствій противника Бога? Мы ежедневно молимся, часто причащаемся, исповѣдуемся. Но старались ли мы заглянуть въ глубь своей души и посмотрѣть на то, что мы совершаемъ? Далеко не всѣ и не всегда. „Когда мы молимся, то въ мысляхъ страннымъ образомъ вертятся самыя святыя, высокія предметы наравнѣ съ предметами земными, житейскими, ничтожными: напр., и Богъ и какой либо любимый предметъ, напр., деньги, какая нибудь вещь, одежда, шляпа, или какой либо сладкій кусокъ, сладкій напитокъ, или какое либо внѣшнее отличіе, крестъ, орденъ, лента и проч. Такъ мы легкомысленны, пристрастны, разсѣянны! Это свойственно развѣ только язычникамъ, не вѣдающимъ истиннаго Бога, а не христіанамъ, коихъ сокровище не на земли, а на небеси. Гдѣ же живая вода въ нашемъ сердцѣ, бьющая ключемъ живительнымъ въ сердцахъ, всецѣло преданныхъ Богу? Ея потому и нѣтъ, что она вытѣснена изъ него житейскими суетами и прочими страстями“. „Многіе люди и молятся лицомѣрно, и ихъ лицомѣрная молитва вошла у нихъ въ привычку; они сами даже не замѣчаютъ и не хотятъ замѣтить, что молятся лицомѣрно, а не въ духъ и истинѣ, такъ что если бы кто сказалъ имъ въ обличеніе, что они молятся лицомѣрно, они прогнѣвались бы на дерзнувшаго сказать такую, по ихъ мнѣнію, несообразность. До лицомѣрія человѣкъ доходитъ не вдругъ, а постепенно. Сначала, быть можетъ, онъ молился отъ сердца, но потомъ, такъ какъ молиться всегда сердцемъ составляетъ значительный трудъ, къ коему надо всегда принуждать себя, онъ начинаетъ больше молиться устами, поверхностно, а не изъ глубины души, такъ какъ это гораздо легче; и наконецъ при усиленной борьбѣ плоти и діавола, молится устами, не доводя до сердца силы словъ молитвенныхъ. Такихъ людей очень много... Что сказано о молитвѣ, то слѣдуетъ сказать и о причащеніи святыхъ, безсмертныхъ и животворящихъ Таинъ. Часто сначала человѣкъ причащается съ живою вѣ-

рою, съ чувствомъ любви и благоговѣнія, а по томъ при непосредственномъ противодѣйствіи плоти и діавола истинѣ Божіей, уступаетъ имъ побѣду надъ собою и причащается лицемѣрно, не тѣла и крови, но, по его мыслиамъ сердечнымъ, хлѣба и вина... Такой человѣкъ внутренно окрадается сатаною. Сохрани, Боже, всѣхъ отъ такого причащенія, отъ такой хулы на Господа. Это же бываетъ и съ таинствомъ покаянія“. Это же бываетъ, добавимъ мы отъ себя, и съ другими таинствами.

Мы говоримъ, что вѣруемъ въ Бога. Но какъ глубоко мы вѣруемъ? „Мы только называемъ Господа Богомъ, а на дѣлѣ то у насъ свои боги, потому что волю Божію не творимъ, а волю плоти своей и помышленія, волю сердца своего, страстей своихъ; наши боги—плоть наша, сласти, одежды деньги и проч.“ „Сколько христіанъ, которые говорятъ: вѣрую въ Бога, а дѣломъ не вѣруютъ? Сколько устъ нѣмѣютъ, когда нужно защитить въ обществѣ славу Божію и святыхъ Его, на которую наносятъ хулу сыны вѣка сего — и нѣмѣютъ предъ ними? Иные молчатъ, когда нужно поддержать разговоръ о Богѣ, или когда нужно остановить какое либо безчиніе, дерзость. Многіе говорятъ: вѣрую въ Бога, а случись бѣда, напасть, искушеніе, малодушествуютъ, унываютъ, иногда ропщутъ, и куда дѣвается вся вѣра? Тутъ бы и надо показать преданность волѣ Божіей. А то видно, они вѣруютъ въ Бога только въ счастіи, а въ несчастіи отвергаютъ Его“.

Что представляетъ собою наша внутренняя жизнь, полная всевозможныхъ сомнѣній, колебаній, грѣховъ мысли, какъ далека эта жизнь отъ идеала христіанской жизни, объ этомъ нѣтъ нужды много говорить. Это хорошо каждый изъ насъ не только самъ знаетъ, но и чувствуетъ, ощущаетъ всѣмъ своимъ существомъ. Какъ несовершенны наши отношенія къ нашимъ ближнимъ, какъ далеки отъ христіанскаго идеала наши отношенія ко всѣмъ людямъ, объ этомъ также едва ли нужно много говорить. Эти недочеты нашей жизни краснорѣчиво засвидѣтельствованы сотнями современныхъ писателей. О нихъ постоянно напоминаютъ намъ уже не словомъ, а самымъ дѣломъ, наши улицы съ немущими крова, бѣдныя хижины, голодныя, оборванныя, забитыя дѣти...

Мы часто ищемъ смысла жизни, порываясь отъ настоящей минуты своей жизни въ глубь вѣковъ минувшихъ, отрываясь отъ того мѣста, въ которомъ вращаемся, въ надзвѣздные міры и необозримую даль земель и пространствъ. Мы думаемъ, что тамъ въ неизвѣстной для насъ дали и выси царство Божіе. Отрѣщаясь отъ сферы своей скромной дѣятельности и наличной, дѣйствительной жизни, мы не прочь успокоить себя словами Спасителя: „вы не отъ міра“. Но какъ мы глубоко ошибаемся. Нашъ міръ находится не гдѣ то отсюда за миллиарды верстъ, не гдѣ то за безконечными звѣздными мірами, не гдѣ то въ глубин вѣковъ давно минувшихъ, онъ внутри насъ самихъ, на всякомъ мѣстѣ, въ каждой душѣ, въ каждомъ возрастѣ. Онъ отдѣляется отъ насъ не внѣшними далекими пространствами, а самою тою или другою жизнію, что окружаетъ насъ. Свѣтъ и дыханіе этого міра непосредственно близки намъ. Они обвѣвають насъ, наполняютъ каждый уголокъ нашей души во всякомъ мѣстѣ, во всякую минуту, при всякомъ нашемъ добромъ трудѣ и начинаніи. Поэтому искать смысла жизни не значить стремиться куда то въ безпредѣльную даль, проникать въ надзвѣздные міры, въ неизвѣстныя пространства созвѣздіи и солнцъ. Мудренѣйшій и вѣковѣчный вопросъ о смыслѣ жизни рѣшается проще. Искать смысла жизни — это просто значить войти внутрь того, что находится въ насъ самихъ и кругомъ насъ, въ окружающей насъ жизни людей и природы. Въ нашей душѣ, какова бы она ни была, все же есть отблески, просвѣты небснаго свѣта, небснаго Духа въ видѣ святыхъ, благородныхъ, возвышенныхъ желаній, хорошихъ мыслей, стремленій. Это та же душа, только въ болѣе совершенной и прекрасной формѣ бытія. Иди туда, къ тому небесному просвѣту, что ты видишь и чувствуешь. Осваивайся съ нимъ, вживайся въ его атмосферу, тки изъ нея свои жизненныя нити. Иди этимъ путемъ и не останавливайся ни на одну минуту. Твои отдѣльныя жизненныя нити, неизвѣстнымъ для тебя образомъ, чудно будутъ слагаться въ прекраснѣйшую жизненную ткань. Ты откроешь новые міры, которые доселѣ тебѣ были неизвѣстны. Твоя душа будетъ отчасти носителемъ того, что не входило еще на умъ и сердце человѣка, чего не слышало ухо человѣческое и чего не видѣло не одно око человѣка.

Не порывайся же уйти въ даль пространствъ изъ того, можетъ быть, малаго и скромнаго поприща, на которомъ трудишься ты. Не чуждайся тѣхъ людей, съ которыми соединяетъ тебя дѣйствительная жизнь. Не мечтай о другихъ существахъ, которыя бы болѣе подходили къ твоему идеалу. Старайся создать „царство Божіе“ въ той обстановкѣ, въ какой ты поставленъ волею судьбы. Удаляйся всего худого въ себѣ и въ людяхъ. Порывая связи съ этимъ міромъ вражды, распри, всякихъ нестроений, христіанинъ входитъ въ такой міръ, гдѣ всѣ люди могутъ быть друзьями и братьями. А этотъ міръ лежитъ не въ какихъ либо фантастическихъ областяхъ, а въ той же самой средѣ и среди тѣхъ же самыхъ людей, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Въ этой обстановкѣ христіанинъ видитъ и находитъ Христа и идетъ къ Нему. Не помимо людей онъ ищетъ того неба, къ которому призванъ, а въ нихъ же и чрезъ нихъ же. Онъ идетъ къ горнему міру чрезъ дѣятельное общеніе съ ближними этого міра, будетъ ли оно въ сферѣ мысли, практической дѣятельности, невидимой молитвы и любви. Въ этой то самой средѣ, которая для многихъ является камнемъ преткновенія, начинается постепенно созидаться новая жизнь, царство Божіе, увеличиваясь и разрастаясь, подобно роскошному, благоухающему саду. Тогда наше царство Божіе уже будетъ не мечтою только, и не мыслию даже, какою бы отчетливостію и ясностію она не отличалась, а дѣйствительностію, не нуждающеюся ни въ какихъ доказательствахъ. Такой человѣкъ не мечтаетъ, а живетъ въ томъ дѣйствительномъ земномъ мірѣ, о какомъ говорилъ Христосъ и какой часто скрываютъ отъ нашего взора наши золотыя и незолотыя мечты. Царство его стало ужъ не царствомъ въ туманной дали минувшихъ вѣковъ и не въ безконечныхъ пространствахъ, не въ отвлеченной системѣ измышленийъ и призраковъ, какъ у земныхъ поэтовъ и писателей. Оно стало царствомъ на твоихъ глазахъ, на этомъ небольшомъ пространствѣ, въ этой средѣ, среди извѣстныхъ тебѣ людей. Тогда вмѣстѣ съ Ап. Іоанномъ и первохристіанами такой человѣкъ скажетъ, что онъ позналъ Сущаго, Безначальнаго.

Видимый міръ, дивно чудная природа отразятъ тогда предъ нимъ явные слѣды десницы Божества. Каждый листокъ дерева, каждый крохотный цвѣточекъ, каждая бы-

линка, травка вдругъ засіяеть для христіанина такой лучезарной райской красотой, обдасть такимъ тепломъ и свѣтомъ жизни, такимъ изяществомъ каждаго изгиба и прелестью каждаго тона, что предъ нимъ во очію откроется рай Божій. Природа, мертвая для многихъ, оживеть предъ нимъ и перестанеть быть страшной пустотой и зіящей бездной. Въ мертвомъ, повидимому, мірѣ для христіанина затрепещеть внутренняя духовная жизнь, въ нѣмомъ—завучать небесные глаголы, въ случайномъ и механическомъ—чудный смыслъ и высшая разумная красота. Такъ все оживеть передъ нимъ и измѣнится, какъ бы по какому волшебному мановенію ¹⁾).

И какъ въ самомъ дѣлѣ, все это глубоко жизненно и справедливо. Мы ищемъ въ дали отъ себя царство истины. Но мы забыли слово Христа о царствѣ Божіемъ, Который нѣкогда говорилъ: „скажутъ вамъ: вотъ здѣсь, или: вотъ тамъ; не ходите, и не гоняйтесь. Ибо царствіе Божіе внутри васъ есть“. Не выходить за предѣлы себя должны мы, а углубляться въ себя и въ себѣ искать началъ святой жизни. Перемѣна мѣста, смѣна времянь и точекъ зрѣнія ничего не дадутъ человѣку. Нашъ духъ—бездна, въ которую сколько не заглядывай, никогда ее не изучишь, никогда не постигнешь до конца. Невольно вспоминаются мнѣ въ эти минуты св. подвижники и великіе ученые. Нѣкоторые изъ нихъ по половинѣ столѣтія проводили на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ одними и тѣми же людьми, въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Однако, какъ глубоки, привлекателенъ, животворенъ былъ ихъ взглядъ на окружающій ихъ необъятный міръ. Какъ полна была ихъ жизненная чаша. Какъ много людей приходило къ нимъ за словомъ руководства, бодрящей ласки и любви. Многіе черпали изъ этихъ богатѣйшихъ кладезей не только при ихъ жизни, но и цѣлыя столѣтія послѣ ихъ смерти.

Итакъ, въ живой вѣрѣ въ Христа Спасителя и Его ученіе нужно искать „секретъ жизни“ о. Іоанна. Какъ изъ маленькаго зерна вырастаетъ стройное и могучее растеніе, такъ

¹⁾ Ср. *Еп. Михаилъ*. Надъ Евангелиемъ.

и изъ этого простого чувства живой вѣры вырастаетъ многосторонняя, сложная, поразительная жизнь и дѣятельность, наполняющая душу каждаго сторонняго наблюдателя чувствами удивленія, благодарности и преклоненія предъ нимъ.

Село Казнево.
23 юня 1893 года.

А. Е.

(Окончаніе слѣдуетъ).
